

ДОГМАТИЧЕСКИЙ И КРИТИЧЕСКИЙ АСПЕКТЫ ЗАПАДНОЕВРОПЕЙСКОЙ ПОЛИТИКО-ПРАВОВОЙ МЫСЛИ РАННЕГО НОВОГО ВРЕМЕНИ (ок. 1600–1750)

© 2021 г. И. В. Галкин

Московский государственный юридический университет им. О.Е. Кутафина (МГЮА)

E-mail: galckynvanya@rambler.ru

Поступила в редакцию 17.09.2020 г.

Аннотация. Данная статья посвящена проблеме догматического и критического аспектов политико-правовой мысли Западной Европы в раннее Новое время (ок. 1600–1750). Новое время — это поворотный момент в истории не только всей мировой цивилизации, но и философской мысли и политической науки, на «стыке» которых складывались учения о государстве и праве. Раннее Новое время — время крушения феодальной социально-экономической формации и кризиса догматического по своей сущности схоластического миропонимания — дает импульс к развитию капиталистических экономических отношений в Западной Европе, что сопровождалось усилением критической доминанты в философской и научной мысли. В рассматриваемый исторический период происходило постепенное нарастание критического аспекта в контексте западноевропейских учений о государстве и праве, хотя в это же самое время политические мыслители догматического толка продолжали создавать свои системы. Таким образом, настоящая статья освещает довольно неоднозначную проблему соотношения догматического и критического аспектов в западноевропейской политико-правовой мысли раннего Нового времени.

Ключевые слова: абсолютизм, война, волеустановленное право, государство, догматический аспект, естественное право, критический аспект, либерализм, Новое время, общественный договор, суверенитет, этатизм.

Цитирование: Галкин И.В. Догматический и критический аспекты западноевропейской политико-правовой мысли раннего Нового времени (ок. 1600–1750) // Государство и право. 2021. № 2. С. 121–131.

DOI: 10.31857/S102694520013678-6

DOGMATIC AND CRITICAL ASPECTS WESTERN EUROPEAN POLITICAL AND LEGAL THOUGHT THE EARLY MODERN PERIOD (c. 1600–1750)

© 2021 I. V. Galkin

Kutafin Moscow state Law University (MSLA)

E-mail: galckynvanya@rambler.ru

Received on 17.09.2020

Abstract. This article is devoted to the problem of dogmatic and critical aspects of political and legal thought in Western Europe in the early Modern period (c. 1600–1750). Modern period is a turning point in the history of not only the entire world civilization, but also of philosophical thought and political science, at the “junction” of which the teachings on state and law were formed. The early Modern period — the time of the collapse of the feudal socio-economic formation and the crisis of the essentially dogmatic scholastic worldview — gives an impetus to the development of capitalist economic relations in Western Europe, which was accompanied by the strengthening of the critical dominant in philosophical and scientific thought. During the historical period under

review, the critical aspect was gradually developing in the context of Western European doctrines about the state and law, although at the same time political thinkers of the dogmatic persuasion continued to build their systems. Thus, this article highlights a rather ambiguous problem of the correlation of dogmatic and critical aspects in the Western European political and legal thought of the early Modern period.

Key words: absolutism, war, will-established law, state, dogmatic aspect, natural law, critical aspect, liberalism, Modern period, social contract, sovereignty, statism.

For citation: Galkin, I.V. (2021). Dogmatic and critical aspects Western European political and legal thought the early Modern period (c. 1600–1750) // Gosudarstvo i pravo=State and Law, No. 2, pp. 121–131.

Вместо предисловия. Философия (букв. «любовь к мудрости» — принято считать, что термин ввел в оборот древнегреческий мыслитель Пифагор), каковую нередко именуют «матерью всех наук» и начало которой было положено в эпоху Античности, на большем протяжении своей истории являлась преимущественно догматической. Мыслители древности, прибегая к помощи дедуктивного метода, создавали первые философские системы, призванные дать исчерпывающее объяснение закономерностям бытия природы и общества, т.е. эти мыслители были по своей сущности философами-догматиками. В Средние века — в обстановке господства монотеизма, теоцентризма, креационизма, провиденциализма и широкого распространения схоластического направления философии — также преобладали мыслители догматического толка, что было вызвано всесторонним влиянием религиозной догматики на общесоциальный и научный дискурс того времени. Тем не менее элементы критического подхода хорошо различимы и в ряде известных работ средневековых религиозных мыслителей — классиков догматического направления («Об истинной религии (против манихеев)» Августина Блаженного, «О единстве интеллекта (против аверроистов)» св. Фомы Аквинского и др.). Раннее Новое время (ок. 1600–1750), наступление которого было ознаменовано качественным усложнением общественного бытия (контаминация «традиционного» феодального уклада и «модернизирующих» элементов капитализма), явилось сильнейшим катализатором процесса формирования новой критической методологии в контексте философской и научной мысли. Чрезвычайно болезненное, травмирующее самые широкие общественные круги взаимопроникновение двух противоборствующих социально-экономических формаций способствовало росту критической доминанты в работе мысли многих выдающихся представителей интеллектуальной элиты европейского человечества в начале Нового времени. Творчество Марсилиуса Падуанского, Н. Макиавелли, Эразма Роттердамского, Т. Мора, Ф. Бэкона, М. Монтеня, П. Гассенди, Б. Паскаля, Б. Спинозы, П. Бейля, Ж. Мелье, Ш.Л. де Монтескьё, Вольтера, Ж.-Ж. Руссо, И. Канта, И.Г. Фихте

и многих других выступало мощным критическим ответом на стремительно изменяющийся облик множества разнообразнейших компонентов основных подсистем общества (от экономики до политики), и всех этих столь различных мыслителей объединяет очевидное недовольство состоянием современных им социальных и политических институтов.

Догматический аспект в политико-правовой мысли раннего Нового времени. Политико-правовая мысль была во все времена неразрывно связана с общесоциальными учениями и в основном направлением своего движения следовала в «кильватере» философской мысли конкретной эпохи. По этой причине политические учения древности и средневековья являлись догматическими, ибо скорее предписывали «правильную» модель жизни общества, нежели серьезно критиковали социально-политическую реальность, для чего был необходим более «зрелый» возраст мысли, порождающий смелость и самостоятельность, но главное — логическую аргументированность критических суждений. Качественный скачок в развитии политической мысли происходит в эпоху Возрождения, когда представители раннего европейского гуманизма начинают целенаправленный анализ древних и современных политических институтов, нередко прибегая к критическому дискурсу (Марсилиус Падуанский, Н. Макиавелли, Эразм Роттердамский). В политической мысли гуманистической традиции накануне Нового времени выявляются две хорошо различимые тенденции: реалистическая (Н. Макиавелли, Ю. Липсий, Ж. Боден) и утопическая (Т. Мор, Т. Кампанелла, Ф. Бэкон). Элементы этих направлений (обладающих и серьезной методологической ценностью) ясно различимы еще в древности и в средневековье, хотя в произведениях конкретных авторов упомянутые направления зачастую смешивались («Государство» Платона, «Политика» Аристотеля, «О Граде Божием» Августина, «Защитник мира» Марсилиуса Падуанского и т.п.). Симптоматично, что именно представители утопического направления, вполне догматически создавая проекты своих «утопий» как образчиков идеальных политических обществ (в противовес далекому от совершенства

устройству государств исторических), оказались наиболее критически настроенными в отношении общественной действительности и обратили острей своей критики против реально существующих и оттого заведомо несовершенных политических институтов.

Догматический аспект политико-правовой мысли Нового времени непосредственно вырастал из догматической традиции «позитивной» теологии Средних веков, осложненной гуманистической идеологией Ренессанса и Реформации, и прямо следовал из догматов христианской религии. Наступление Нового времени было ознаменовано процессом эмансипации науки и философии от теологии, с одной стороны, а также постепенным расхождением когнитивных интересов философии и науки — с другой. Процесс широкомасштабной секуляризации общественных институтов Западной Европы в раннее Новое время дает серьезный импульс для развития светской философии, продолжавшей свое неуклонное высвобождение из крепких сетей религиозной идеологии. Философы почувствовали себя достаточно самостоятельными и сильными, чтобы предложить человечеству собственное решение «проклятых» вопросов бытия, не прибегая при этом к посредству религиозных догматов и схоластического метода. Французский мыслитель кануна эпохи Просвещения П. Бейль, один из основоположников критического направления в западноевропейской философской мысли, переформулировал широко известный тезис средневековых схоластов в том смысле, что философию надо рассматривать как царицу, а теологию лишь как ее служанку¹. Следует отметить, что однозначно проклассифицировать мыслителей Нового времени на «догматиков» и «критиков» совершенно не представляется возможным, а скорее можно лишь говорить о доминирующей тенденции в их творчестве. По этой причине кажется целесообразным построить наш краткий экскурс не на рассмотрении отдельных представителей конкретного направления, а на анализе того круга широко распространенных в их время идей, которые мы находим в работах многих из них. Догматический аспект политико-правовой мысли можно свести к ряду *основных мотивов*, элементы которых щедро «разбросаны» в творчестве мыслителей рассматриваемого исторического периода и каковые можно сформулировать в виде ряда самых общих тезисов.

Государство есть божественное установление, ибо нет власти не от Бога. Данный тезис можно считать родовым среди мотивов догматического направления, поскольку он находил себе одинаковую поддержку как в Библии или произведениях

античных классиков, так и в догматической литературе христианского вероучения и был весьма распространен в самом широком кругу представителей политико-правовой мысли Средних веков и раннего Нового времени. Отметим, что еще в мифологических представлениях древних шумеров — древнейшей цивилизации на Земле — государственность появляется как установление, дарованное верховными богами; аналогичный миф о начале культуры и цивилизации бытовал и у древних египтян, подобного рода мифологемы могут быть найдены в наследии различных цивилизованных народов планеты. В классическом виде тезис о божественной природе политической власти был сформулирован ап. Павлом: «Всякая душа да будет покорна высшим властям; ибо нет власти не от Бога, существующие же власти от Бога установлены. Посему противящийся власти противится Божию установлению; а противящийся сами навлекут на себя осуждение» (Рим. 13:1–2). В начале Нового времени данный тезис критиковался, как правило, не открыто и прямо, что было просто физически небезопасно в период активной деятельности институтов церковной инквизиции, но опосредованно, путем введения различных альтернативных концепций, и в конечном счете казавшийся незыблемым тезис о божественной природе государственности был преодолен критической по своей сущности *теорией общественного договора* (И. Альгузий, Г. Гроций, Т. Гоббс, Дж. Локк, Ж.-Ж. Руссо и др.). Однако уместным будет напомнить, что даже для Г.В.Ф. Гегеля — гениального немецкого мыслителя, творившего уже практически накануне Новейшего времени, государство — это не что иное, как шествие Бога в мире².

Априорная справедливость самодержавной власти монарха как божественного установления. Данный тезис прямо проистекает из предыдущего, ибо угодный Богу государь, т.е. помазанник Божий, принципиально не может осуществлять неверную либо порочную политику, а традиционный для монархий акт помазания на царство является сакральным обрядом подтверждения духовной связи земных государей с Господом Богом. Кроме того, помазание властителя подтверждает популярный тезис о том, что монархия — оптимальная форма правления, поскольку персона государя есть земное воплощение, или лучше сказать — переходящее замещение Главы небесной иерархии, власть монарха не может быть разделена, как не может быть разделена и власть самого Господа Вседержителя. Практически все сколько-нибудь заслуживающие внимания представители религиозной мысли и идеалистической философии Средних веков и Нового времени (от Блаженного Августина

¹ См.: Бейль П. Исторический и критический словарь: в 2 т. М., 1968. Т. 2. С. 270.

² См.: Гегель Г.В.Ф. Философия права. М., 2007. С. 326.

до Гегеля), размышлявшие о политических институтах общества, были сторонниками монархической (шире — авторитарной) формы правления, при которой политическое верховенство или *суверенитет* полностью принадлежит государю-самодержцу. Выдающийся французский политический и религиозный мыслитель XVI столетия, правовед, протагонист абсолютной монархии Ж. Боден в своей работе «Шесть книг о государстве» (*Le Six Livres de la République*, 1576) впервые дал четкое теоретическое обоснование категории суверенитета, слагавшегося из следующих основных публично-властных правомочий (*true marks*) суверена: 1) издание и изменение законов; 2) право войны и мира; 3) назначение должностных лиц; 4) правосудие в последней инстанции и право помилования; 5) чеканка монет; 6) определение мер и весов; 7) взимание налогов и податей. При этом он подчеркивал, что все перечисленные prerogatives содержатся, по существу, в праве самодержавного суверена на законотворчество (*chief mark*)³. Появление теоретической концепции суверенитета является существенной чертой наступления Нового времени и вызревания капиталистической формации, поскольку «в феодальном обществе правление основывалось на личной преданности индивида сеньору, а не на [политической] обязанности [гражданской] общины перед публичной властью государства. И по этой причине, как иной раз утверждают, чистая концепция суверенитета не могла появиться до наступления более поздней эпохи, когда данная концепция была измышлена Макиавелли, Боденом, Гоббсом или каким-нибудь другим [автором], оказавшимся в модном тренде в то либо иное время»⁴.

Государство есть вечная и неизблемая необходимость человеческого существования. Поскольку до времени расцвета позитивного направления философии идея эволюции не была сколько-нибудь распространена в сфере общественной мысли, то все социальные институты, а значит, и государство как важнейший из них, считались совершенно неизблемыми. Этот мотив обладал особой ценностью для самодержавных государей, ибо суверенная власть монархов во многом зиждилась на религиозной их легитимации, и всякое восстание против властителя оборачивается тогда бунтом против самого Господа Бога. Данный тезис совсем несложно оспорить с помощью Священного Писания, где политическая история человечества драматически пресекается и, согласно пророчествам

Нового Завета, сменяется тысячелетним Царством праведных, а далее Царством Божиим (или Царством Небесным). Более того, сам Иисус Христос ни в коей мере не абсолютизировал ценность политического института государства, поскольку в соответствии с содержанием канонических текстов Евангелий Спаситель совершенно последовательно ставил «Богово» выше «кесарева»⁵. В раннее Новое время весьма чувствительный удар по тезису о неизблемости природы государства был нанесен идеологами движения Реформации, последовательно проводившими мысль о второстепенном характере ценности политики по отношению к ценности индивидуального спасения души. Данное воззрение, вызревавшее веками и принимавшееся большинством *a priori*, было убедительно сформулировано в середине XVII в. английским пресвитерианским священником и плодовитым ученым-теологом, служившим во времена революции капелланом в парламентской армии, а после Реставрации 1660 г. ставшим религиозным неконформистом, Р. Бакстером. В своем труде «Священное государство» (*A Holy Commonwealth*, 1659) — классическом произведении английской пуританской литературы — он совершенно недвусмысленно утверждал, что в Божественном государстве воздаяние чести и угождение Господу, а в равной мере и спасение человеческих душ, есть главные цели, в то время как физическое благополучие людей оказывается целью им подчиненной. Повседневные мирские усилия правителя ценны только в том случае, если они уготовляют человека к загробной жизни, а присущий большинству исторических правительств авторитаризм устанавливал этот базовый долг общества в отношении лиц любого звания и общественного положения. «Самым Счастливым Государством будет то, — отмечал Р. Бакстер, — которое в наибольшей степени достигает целей правительства и общества, являющихся общественным благом, особенно в вопросах попечения о вечности и угождения Богу, Абсолютному Господу и Царю всего сущего...»⁶. В Новейшее время тезис о вечной природе государственности как способа бытия человеческого общества активно стал оспариваться как представителями материалистического направления — социалистами, коммунистами и анархистами, так и сторонниками идеалистического направления — наиболее последовательно и аргументировано представителями русской религиозной мысли XIX–XX вв. (Н.Ф. Федоров, Д.Л. Андреев и др.).

³ См. подр.: *Bodin J. On Sovereignty: four chapters from The Six Books of a Commonwealth* / ed. and transl. by J.H. Franklin. Cambridge, 2010. P. 46–88.

⁴ *Tierney B. Religion, Law, and the Growth of Constitutional Thought, 1150–1650.* Cambridge, 1982. P. 30.

⁵ *Coleman J. A History of Political Thought: From Ancient Greece to Early Christianity.* Oxford, 2000. P. 296–300.

⁶ *Baxter R. A Holy Commonwealth* / ed. by W. Lamont. Cambridge, 1994. P. 127, 128; см. также: *Schlatter R. Richard Baxter and Puritan Politics.* Rutgers, NJ, 1957. P. 23.

Государство возникает из разросшейся патриархальной семьи. В современной теории государства и права данный тезис отождествляется с т.н. «*патриархальной теорией*» происхождения государства. Наиболее авторитетным протагонистом патриархальной теории был великий Аристотель, видевший в государстве политический союз семей и селений, объединившихся для достижения благой жизни⁷. Эта концепция получила весомую поддержку в Средние века в результате повсеместного распространения библейских текстов, излагающих историю грехопадения «первых людей» — супружеской четы Адама и Евы, изгнания легендарных прародителей человечества из Эдема и размножения их потомства на лице Земли. В XVII в. влиятельный английский религиозный мыслитель и монархист Р. Филмер в своем известном политическом трактате «Патриарх, или Естественная власть королей, и в частности короля Англии» (*Patriarcha, or the Natural Power of Kings*, 1680) осуществил попытку осмысления происхождения политической власти монархов в контексте «патриархальной теории». В данной работе автор утверждает, что королевская власть есть непосредственное продолжение патриархальной власти самого Адама и его прямых потомков, а затем и первых боговдохновенных пророков, следовательно, власть монарха подчинена одному лишь божественному праву, а значит, совершенно не подвластна волеустановленному праву. «Когда сэр Роберт Филмер, видный проponent патриархальной теории и божественного права королей, писал в 1650-е годы, “что не может быть какого-либо людского множества, будь оно сколь угодно большим либо малым..., в котором, то есть таком множестве... не нашелся бы среди себе подобных некий Человек, который согласно самой природе обладает [естественным] правом быть Государем над всеми остальными”, то он вовсе не желал раздражить свою аудиторию с помощью противоречащей логике гипотезы, пытаясь превратить погожий день в запыленный философский семинар. [Напротив], Филмер утверждал нечто такое, в чем он мог бы с полным основанием ожидать безоговорочного согласия от окружавших его наиболее образованных и уважаемых [носителей] мнений, то есть нечто такое, что очевидно было воплощено в социальной, семейной, политической сферах и церковной организации, и во что многие из его современников верили или должны были верить по большей части безо всяких сомнений»⁸. Напомним, что патриархально-автократическую позицию Р. Филмера довольно резко раскритиковал выдающийся английский философ-просветитель

XVII столетия, сторонник конституционной монархии Дж. Локк, который, опираясь на положения прогрессивной для своего времени теории общественного договора, отстаивал либеральные идеи гражданского общества, народного суверенитета, разделения властей как в чистом виде человеческих установлений⁹. Следует отметить, что в последнее время патриархальная теория (в виде вполне секулярной концепции «*демографического (репродуктивного) взрыва*» как последствия «неолитической революции») определенно переживает свое новое рождение, поскольку многие современные историки, социологи, политологи и антропологи принципиальным фактором появления первичных цивилизаций считают именно демографический фактор¹⁰.

Государство первично, а человеческая личность вторична (этатизм). Речь идет о политическом аспекте старой как мир проблемы приоритета общего над частным (либо частного над общим), сколько-нибудь удовлетворительное решение которой в принципе не представляется возможным. Великий Платон, а вслед за ним и многие выдающиеся мыслители Средних веков и Нового времени были совершенно уверены в том, что общее важнее частного, т.е. интересы личности должны быть полностью подчинены интересам общества и государства¹¹. Логическим следствием данного тезиса оказывается *этатизм* — учение, согласно которому вся жизнь людей должна быть принесена без остатка на алтарь государственных интересов, в обмен на что человек, как правило, получает гарантии некоторых фундаментальных прав. Отметим, что наиболее влиятельные представители утопического направления политической мысли, озабоченные проблемой построения «идеального» государства, во многих моментах придерживались этатистских взглядов (Т. Мор, Т. Кампанелла, Ф. Бэкон, Дж. Харрингтон). В проектах утопистов индивидум всегда «встроен» в конкретные социальные институты, которые целиком покрывают все существование обобществленного человека, не позволяя ему совершенно «выпасть» из сферы политического общения. Великий британский философ и политический мыслитель Т. Гоббс в своем знаменитом трактате «Левиафан» (*Leviathan, or the Matter, Forme, and Power of a Commonwealth, Ecclesiasticall and Civil*, 1651) полностью подчиняет индивида созданной его же искусством государственной машине, взамен чего подданные

⁷ См. подр.: The Cambridge Companion to Aristotle / ed. by J. Barnes. Cambridge, 1995. P. 233–258.

⁸ Waldron J. God, Locke, and Equality. Cambridge, 2002. P. 5.

⁹ См. подр.: The Cambridge Companion to Locke / ed. by V. Chappell. Cambridge, 1994. P. 256, 257.

¹⁰ См., напр.: Companion Encyclopedia of Anthropology / ed. by T. Ingold. London, 2003. P. 265–296.

¹¹ Вплоть до времени Гегеля понятия «общество» и «государство» теоретически четко не дифференцировались.

государства наделяются политическими гарантиями «естественных прав» человека (включая безопасность жизни, телесную неприкосновенность, личную свободу и право собственности)¹². Одним из наиболее влиятельных протагонистов этицизма в Новое время был Гегель, последовательно осуществлявший в своем творчестве апологию Прусского королевства — подлинный политический идеал в системе политических взглядов берлинского мыслителя, позднее подвергнутых довольно резкой критике основоположником теории «научного коммунизма» К. Марксом¹³.

Критический аспект в политико-правовой мысли раннего Нового времени. Наступление Нового времени сопровождалось интенсивным развитием критического направления не только в философии, но вкупе с ней и в учениях о государстве и праве, поскольку авторами последних зачастую оказывались сами философы. Критическое направление в западноевропейской политической мысли активно развивается на протяжении всего XVII в., и если начало указанного столетия было еще временем практически полного владычества догматической философии, то к концу столетия критический аспект философской мысли явственно нарастает. Критический аспект политической науки Нового времени в определенной мере предваряет критический аспект немецкой классической философии, положивший конец догматической доминанте в истории мировой философской мысли. Гениальный И. Кант, открывший качественно новую страницу мировой философии своей критической методологией в контексте субъективного идеализма, почитал догматическим всякое знание, не основанное на предварительном исследовании его возможностей и предпосылок¹⁴. Любая догма как положение, принимаемое за непереложную и неизменную истину без доказательств, опытного обоснования или практической проверки, а лишь на основе веры и подчинения авторитетам, рано или поздно оказывается помехой на пути прироста и развития знаний и необходимо становится объектом критики. Ниже мы рассматриваем основные мотивы *критического аспекта* политико-правовой мысли Нового времени.

Теория общественного договора. Идея *общественного договора* есть в определенной мере секулярный сублимат древней догмы монотеистических религий о совершившемся некогда сакральном акте «завета» человека с Богом. Еще древнеиндийские

Веды содержали в себе ряд таких представлений, касающихся проблемы возникновения общества и государства, которые могут рассматриваться как наиболее ранние из известных нам подходов к теории общественного договора¹⁵. В раннее Новое время к формулированию теории общественного договора вплотную подошли представители саламанкской школы и монархомахи, увидевшие в этой идее теоретическое обоснование и идеологическое основание для своих демократических предпочтений. Два авторитетнейших сторонника теории общественного договора в XVII в. — Т. Гоббс и Дж. Локк — придали данной теории заверченный вид и сделали гипотезу о факте социального контракта отправной точкой своих концепций, хотя в итоге своих размышлений они пришли к диаметрально противоположным выводам. Гоббс полагал, что поскольку естественное состояние людей есть «война всех против всех» (*bellum omnium contra omnes*), то акт заключения общественного договора в полной мере передает суверенитет народа в распоряжение конкретных носителей публичной власти, которые обязаны гарантировать подданным их безопасность и нерушимость права собственности¹⁶. Локк рассуждал совершенно иным образом: заключение общественного договора не только не передает народный суверенитет в руки какого-либо частного суверена, но в полной мере гарантирует политическое верховенство народа как источника публичной власти и оставляет за народом право на сопротивление угнетению¹⁷. Необходимо отметить, «что контраст между вариантами общественного договора у Гоббса и Локка может быть следствием возросшего оптимизма в отношении постоянного характера оседлой общественной жизни. Гоббс, по всей видимости, сомневается в том, что люди по природе общительны. Люди, конечно, хотят тех вещей, которые делает возможными только общественная жизнь, главным образом богатства и престижа, но природа людей такова, что только очень жесткая модель общественного договора приведет их когда-либо в то социальное состояние, от которого зависит приобретение всех других человеческих благ. Локк же, напротив, считает, что люди от природы общительны, хотя он и уклоняется от [прямого ответа] на вопрос, в какой именно мере они общительны»¹⁸. Наиболее полную и завершенную

¹⁵ См.: История политических и правовых учений: учеб. / под общ. ред. О.В. Мартышина. М., 2016. С. 26.

¹⁶ См. подр.: The Cambridge Companion to Hobbes's *Leviathan* / ed. by P. Springborg. Cambridge, 2007. P. 199–216.

¹⁷ См. подр.: A Companion to Locke / ed. by M. Stuart. Chichester, 2016. P. 413–432.

¹⁸ McClelland J.S. A History of Western Political Thought. London, 2005. P. 178.

¹² См. подр.: Lloyd S.A. *Morality in the Philosophy of Thomas Hobbes*. Cambridge, 2009. P. 18–20.

¹³ См. подр.: The Cambridge Companion to Marx / ed. by T. Carver. Cambridge, 2006. P. 276–279.

¹⁴ См. подр.: Кант И. Критика чистого разума // Кант И. Соч.: в 6 т. М., 1964. Т. 3. С. 117–120.

форму теория общественного договора приобретает в творчестве одного из корифеев Просвещения, влиятельного идеолога Великой французской революции, а также принципиального сторонника народного суверенитета, демократии и республиканизма Ж.-Ж. Руссо, посвятившего этой проблеме свой, пожалуй, самый известный политический труд — трактат «Об общественном договоре» (*Du contrat social*, 1762).

Народный суверенитет и право народа на восстание. Демократические концепции Нового времени были во многом подготовлены либеральным движением т.н. монархомахов, которых можно с весьма известной долей условности подразделить на ряд отдельных направлений. Внутри указанного движения несложно выделить монархомахов феодально-аристократического (Э. де Ля Боэси) и буржуазно-демократического толка (Т. Беза); также можно выделить монархомахов католической ветви (как правило, ученых представителей «Ордена Иисуса») (Х. де Мариана) и протестантской ветви (И. Альтузий). Весьма прогрессивным моментом в развитии критического направления политической мысли в Новое время была идея о народе как единственном источнике политической власти, т.е. *теория народного суверенитета* и тесно с ней связанное право населения на восстание, что могло сопровождаться даже убийством нелегитимного государя как тирана и узурпатора¹⁹. Одним из родоначальников данной концепции выступил на рубеже XVI—XVII вв. видный испанский историк, экономист и политический мыслитель, священник-иезуит, представитель саламанкской школы, а также сторонник католической линии монархомахов Х. де Мариана, который в своем обширном трактате «О государе и воспитании государя» (*De rege et regis institutione libri tres*, 1599) затронул животрепещущую на тот момент проблему законности насильственного отстранения правителя-тирана от власти. Подняв огромный шквал негодования в кругах консервативно настроенной части политического истеблишмента Европы XVII столетия, Мариана проводит четкое различие между правом умерщвлять тирана и властью решать, действительно ли государь должен считаться тираном. За пределами его родной Испании, и даже несмотря на то что оба едва ли являлись подходящими кандидатурами, Мариана и его трактат на протяжении более трех столетий были неразрывно связаны с радикальными представлениями о народном суверенитете и своевольном убийстве королей²⁰. Немецкий политический мыслитель, правовед, представитель протестантской ветви монархомахов И. Альтузий

в своей работе «Политика» (*Politica methodice digesta, atque exemplis sacris et profanis illustrata*, 1603) подверг аргументированной критике политическую концепцию Ж. Бодена, утверждая, что суверенитет не обязательно должен принадлежать самодержавному государю, который может быть низложен как immoralный и неспособный правитель, и подчеркивал, что абсолютная власть или суверенитет может корениться в воле всех граждан республики²¹. Широко известно высказывание видного британского исследователя политической мысли Нового времени Дж. Н. Фиггиса о том, что «Мариана посеял [семена революции], Альтузий их полил, а Робеспьер собрал всходы»²².

Естественное право как фундамент для критики позитивного права. Общеизвестно, что *волеустановленное (позитивное) право* — мощнейший социально-нормативный регулятор — выступает главным инструментом упорядочивающего воздействия на общественные отношения, хотя «всемогущество» этого регулятора становится подчас причиной злоупотреблений со стороны законодателей и правоприменителей как принципиальных акторов публичной власти. В подобных условиях необходим некий надежный критерий, при помощи которого открывается возможность адекватного соизмерения содержания актуальных норм позитивного права с установлениями общего блага. Такой критерий может предоставить *естественное право* в качестве продукта взаимодействия этики и права, хотя естественно-правовая теория и не создала подлинно научного инструментария для четкого деления права на элементы, не сформировала концепции правовых отраслей, поскольку понимала право как чрезвычайно широкую категорию, всецело смешанную с феноменами нравственного порядка. Теория юснатурализма проходит в своем развитии несколько последовательных эволюционных стадий и претерпевает ряд существенных изменений в своей форме и содержании, которые были непосредственно связаны с доминировавшими в общественном сознании конкретной исторической эпохи идеологическими установками. «Историки права ссылаются на “Никомахову этику” Аристотеля, “De legibus” Цицерона, [Послание ап. Павла] к Римлянам 2:13–15 в Новом Завете, “Decretum” Грациана, “Summa theologiae” Аквината — все [они] говорят о естественном законе, который имеет нормативную силу и по-разному выводится из универсальной человеческой природы (в некоторых формулировках, таких как у Ульпиана, [естественное право] есть то, что

¹⁹ См.: *Althusius J. Politica*. Indianapolis, 1995. P. XXIII.

²⁰ См. подр.: *Braun H. E. Juan de Mariana and Early Modern Spanish Political Thought*. Aldershot, 2007. P. 6–9.

²¹ См.: *The Cambridge History of Political Thought, 1450–1700* / ed. by J. H. Burns. Cambridge, 2006. P. 312.

²² *Figgis J. N. Studies in Political Thought from Gerson to Gro-tius: 1414–1625*. Kitchener, 1999. P. 28.

люди имеют общего с животными), а также веления, запечатленные Богом в человеческом сердце, или участие разумных существ в божественном *lex aeterna*²³. В Новое время Т. Гоббс парадоксальным образом выступил с критическим анализом самого естественного права, которое считал дериватом естественного состояния человека, т.е. состояния «войны всех против всех», и он противопоставил естественному праву особые естественные законы, призванные уменьшить меру зла, существующую в человеческом обществе²⁴. Английский политический и религиозный мыслитель рубежа XVII–XVIII вв., англиканский епископ Р. Камберленд направил острие своего критического дискурса против политико-правовой концепции Гоббса. В «Трактате о естественном праве» (*De legibus naturae disquisitio philosophica, in qua earum forma, summa capita, ordo, promulgatio, et obligatio e rerum natura investigantur; quin etiam elementa philosophiae Hobbianae, cum moralis tum civilis, considerantur et refutantur*, 1672) он пытался поставить под сомнение весьма радикальные для того времени юснатуралистские аргументы знаменитого трактата «Левиафан» Т. Гоббса, и прежде всего — базовый тезис философа о принципиально эгоистической природе человека и проистекающих из нее крайностей всеобщей войны в естественном состоянии²⁵. Авторитетный немецкий правовед рубежа XIX–XX вв. К. Бергбом отмечал, что даже во времена своего расцвета «система естественного права всегда в большей степени была критикой и политикой права, нежели философией права. Под ее прикрытием совершалась мощная критическая работа, благодаря ей идеи того времени об основах всеобщего нового порядка стали ближе обыденному сознанию»²⁶.

Война есть абсолютное зло человеческого существования. В самом начале Нового времени в Западной Европе начинают зарождаться элементы такого влиятельного общественного течения, как *пацифизм*, теоретическим ядром которого становится концепция «вечного мира». Общим истоком пацифистского течения следует считать Нагорную проповедь Иисуса Христа, в которой Спаситель весьма лапидарно изрек: «Блаженны миротворцы, ибо нарекутся сынами Божиими» (Мф. 5:9).

²³ Natural Law and Laws of Nature in Early Modern Europe: Jurisprudence, Theology, Moral and Natural Philosophy / ed. by L. Daston and M. Stolleis. Farnham, 2008. P. 2.

²⁴ См., напр.: Lemetti J. Historical Dictionary of Hobbes's Philosophy. Lanham, 2012. P. 229.

²⁵ Подробнее см.: Parkin J. Science, Religion, and Politics in Restoration England: Richard Cumberland's De Legibus Naturae. Woodbridge, 1999.

²⁶ Bergbohm K. Jurisprudenz und Rechtsphilosophie. Leipzig, 1892. Bd. I. S. 209.

Наиболее выдающимися примерами литературных произведений раннего буржуазного гуманизма Западной Европы, посвященных обоснованию идеи «вечного мира», являлись работы «Защитник мира» (*Defensor pacis*, 1324) Марсилия Падуанского и «Жалоба мира, отовсюду изгнанного и повсюду сокрушенного» (*Querella pacis undique eiectae profligataeque*, 1517) Эразма Роттердамского. Пацифистские учения Нового времени были во многом подготовлены трудами крупнейших представителей саламанкской школы, среди которых следует особо выделить имена таких значительных авторов, как Ф. де Витория, Д. де Сото, Л. де Молина и Ф. Суарес, последовательно развивавших идеи этико-правового регулирования боевых действий с точки зрения соблюдения общепринятых норм *ius naturale* и *ius gentium*. «Право войны имеет долгую историю, и эти четыре испанских писателя совершенно не являются уникальными исключениями в том интересе, который они к нему проявляли»²⁷. Но их интерес, так же как и в ряде других вопросов, заключался не столько в [создании] абстрактных теорий, сколько в пристальном внимании к деталям применения права войны: об ответственности за развязывание войны и дискуссиях о том, в какой мере война может быть «тотальной», о положении «нонкомбатантов», о законности репрессий [против мирного населения]. Их вклад до сих пор актуален, возможно, именно потому, что все они жили в том столетии, когда особенно остро осознавались ужасы войны»²⁸. В своем монументальном труде «О праве войны и мира» (*De iure belli ac pacis*, 1625) знаменитый нидерландский мыслитель и правовед Г. Гроций подытожил достижения ученых Саламанки и ряда иных предшественников, предложив достаточно четкие критерии для различения справедливых и несправедливых войн (*bellum iustum vel bellum iniustum*)²⁹. На основе трудов выдающихся мыслителей и правоведов XVI–XVII вв. (Ф. де Витория, Ф. Суарес, А. Джентили, Г. Гроций, С. Пуфендорф и др.), а также на базе нормативного регулирования боевых действий зарождается современное международное публичное (и гуманитарное) право³⁰.

²⁷ Второе «*Relectio*» Витории об Индиях полностью посвящено этому предмету, и он также рассматривает его в «*Comentario*» к IIа IIae Св. Фомы Аквинского (vol. II, qu. XL, «*De bello*»). Суарес посвящает ему очень длинный диспут, Молина — 25 более коротких, тогда как де Сото всего лишь несколько разделов.

²⁸ Hamilton B. Political Thought in Sixteenth-Century Spain. A Study of the Political Ideas of Vitoria, De Soto, Suarez, and Molina. Oxford, 1963. P. 135.

²⁹ См. подп.: Wight M. Four Seminal Thinkers in International Theory: Machiavelli, Grotius, Kant, and Mazzini. Oxford, 2005. P. 29–61.

³⁰ См. подп.: Hugo Grotius and International Relations / ed. by H. Bull, B. Kingsbury, A. Roberts. Oxford, 1990. P. 6–15.

В результате опустошительной Тридцатилетней войны (1618–1648) в Западной Европе складывается вестфальская политическая система — эффективный регулятор международного правопорядка, просуществовавшая в общих чертах до времени наполеоновских войн. Однако критическая философская мысль пошла гораздо дальше, на повестку дня был поставлен вопрос о полном запрещении войн как совершенно неприемлемого с точки зрения человечности способа разрешения политических конфликтов, плодом чего становится гуманистическая концепция «вечного мира», обретающая свою классически завершенную форму в теоретических работах аббата Ш.-И. де Сен-Пьера, Ж.-Ж. Руссо и И. Канта.

Государство существует в интересах каждого человека (либерализм). Критический подход нашел применение и в идеологическом, и в теоретическом развенчании этатистских взглядов, чрезвычайно популярных среди представителей интеллектуальной элиты и политического истеблишмента в Средние века и Новое время. Противоположным этатизму направлением общественной мысли следует считать *либерализм* — политическую концепцию, обладающую наиболее мощным антиэтатистским потенциалом. В политической области либерализм основывается на признании прав человека, разделении законодательной и исполнительной власти, свободе выбора занятий, свободе конкуренции. Политический либерализм коренится в политико-социологических учениях эпохи Просвещения (учение об общественном договоре, догосударственном «естественном» состоянии человека, о «врожденных» человеческих правах), подытоженных в политической философии Локка, с одной стороны, в этике и правовой философии Канта — с другой. Либерализм усвоил кантовскую идею нравственно свободной личности, не зависимой от насилия со стороны других людей и в то же время несущей бремя моральной ответственности, поэтому свобода индивида и его социальная ответственность неразрывны. Такому пониманию индивида соответствует идея правового государства, воплощающего в себе вышеназванные политические принципы³¹. Основоположниками теории политического либерализма выступали в раннее Новое время иезуиты и монархомахи, однако наиболее последовательное выражение данное направление приобретает в политических работах одного из влиятельнейших «китов» либеральной мысли, выдающегося теоретика ограниченной (конституционной) монархии и прав человека Дж. Локка. Теоретическим ядром либерализма у английского мыслителя становится гипотеза

общественного договора, в результате заключения которого происходит консолидация общества под дланью политической власти, происходящей вкупе с предоставлением каждой личности гарантии соблюдения прав на базовые гражданские блага или на собственность (Property), т.е. на жизнь, свободу и имущество³². Итогом развития гуманистических взглядов на природу взаимодействия автономной личности и демократического правового государства в Новое время становится политико-правовая концепция Канта, давшего классическое для либерального дискурса определение права в субъективном смысле: «Итак, право — это совокупность условий, при которых произвол одного [лица] совместим с произволом другого с точки зрения всеобщего закона свободы»³³.

Заключение. Новое время — эпоха формирования буржуазной социально-экономической формации — выступает периодом революционных преобразований в развитии практически всех аспектов культуры западной цивилизации, в т.ч. в сфере философской мысли и политической науки. В течение XVII–XIX вв. происходит масштабная «перекройка» политической карты средневековой Европы, во многом связанная с начальным этапом формирования крупных и суверенных национальных государств на европейском континенте. Наступление Нового времени ознаменовано коренной ломкой традиционных представлений в идеологической сфере, которая перестала быть монополией догматического религиозного миропонимания, а становится полем ожесточенной критической полемики представителей светской мысли, что отразило факт формирования новой секуляризованной идеологии эпохи Просвещения. Тем не менее догматический этап в истории философии был, по-видимому, совершенно неизбежен, поскольку малый объем положительных знаний о предметах и явлениях окружающего мира, их закономерностях и взаимосвязях неизбежно подменялся логическими умозаключениями или спекулятивными конструкциями, определенная часть которых представляла собой абсолютно гениальную интуицию о действительном устройстве мира. Более того, большинство заслуживающих внимания мыслителей от эпохи Античности до Нового времени — творцов классических философских систем — оказываются на поверку догматиками, т.к. создание всякой масштабной философской системы есть чисто творческое предприятие, в основании которого лежит момент практически «некритического» принятия философами достоверности своей интуиции. Таким образом, в Новое время происходит поворот от догматического подхода к постижению

³¹ См.: Современная западная социология: словарь / сост. Ю.Н. Давыдов и др. М., 1990. С. 158.

³² См. подр.: Spellman W.M. John Locke. NY, 1997. P. 110–113.

³³ Кант И. Метафизика нравов в двух частях // Кант И. Соч.: в 6 т. М., 1965. Т. 4. С. 139.

политических институтов к критическому анализу многомерных феноменов политики, а критическое направление и связанный с ним критический метод приобретают принципиальный характер в арсенале научных средств исследования государства и права уже в Новейшее время.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Бейль П.* Исторический и критический словарь: в 2 т. М., 1968. Т. 2. С. 270.
2. *Гегель Г.В.Ф.* Философия права. М., 2007. С. 326.
3. История политических и правовых учений: учеб. / под общ. ред. О.В. Мартышина. М., 2016. С. 26.
4. *Кант И.* Критика чистого разума // Кант И. Соч.: в 6 т. М., 1964. Т. 3. С. 117–120.
5. *Кант И.* Метафизика нравов в двух частях // Кант И. Соч.: в 6 т. М., 1965. Т. 4. С. 139.
6. Современная западная социология: словарь / сост. Ю.Н. Давыдов и др. М., 1990. С. 158.
7. *A Companion to Locke* / ed. by M. Stuart. Chichester, 2016. P. 413–432.
8. *Althusius J.* Politica. Indianapolis, 1995. P. XXIII.
9. *Baxter R.* A Holy Commonwealth / ed. by W. Lamont. Cambridge, 1994. P. 127, 128.
10. *Bergbohm K.* Jurisprudenz und Rechtsphilosophie. Leipzig, 1892. Bd. I. S. 209.
11. *Bodin J.* On Sovereignty: four chapters from The Six Books of a Commonwealth / ed. and transl. by J.H. Franklin. Cambridge, 2010. P. 46–88.
12. *Braun H.E.* Juan de Mariana and Early Modern Spanish Political Thought. Aldershot, 2007. P. 6–9.
13. *Coleman J.* A History of Political Thought: From Ancient Greece to Early Christianity. Oxford, 2000. P. 296–300.
14. *Companion Encyclopedia of Anthropology* / ed. by T. Ingold. London, 2003. P. 265–296.
15. *Figgis J.N.* Studies in Political Thought from Gerson to Grotius: 1414–1625. Kitchener, 1999. P. 28.
16. *Hamilton B.* Political Thought in Sixteenth-Century Spain. A Study of the Political Ideas of Vitoria, De Soto, Suarez, and Molina. Oxford, 1963. P. 135.
17. *Hugo Grotius and International Relations* / ed. by H. Bull, B. Kingsbury, A. Roberts. Oxford, 1990. P. 6–15.
18. *Lemetti J.* Historical Dictionary of Hobbes's Philosophy. Lanham, 2012. P. 229.
19. *Lloyd S.A.* Morality in the Philosophy of Thomas Hobbes. Cambridge, 2009. P. 18–20.
20. *McClelland J.S.* A History of Western Political Thought. London, 2005. P. 178.
21. *Natural Law and Laws of Nature in Early Modern Europe: Jurisprudence, Theology, Moral and Natural Philosophy* / ed. by L. Daston and M. Stolleis. Farnham, 2008. P. 2.
22. *Parkin J.* Science, Religion, and Politics in Restoration England: Richard Cumberland's De Legibus Naturae. Woodbridge, 1999.
23. *Schlatter R.* Richard Baxter and Puritan Politics. Rutgers, NJ, 1957. P. 23.
24. *Spellman W.M.* John Locke. NY, 1997. P. 110–113.
25. *The Cambridge Companion to Aristotle* / ed. by J. Barnes. Cambridge, 1995. P. 233–258.
26. *The Cambridge Companion to Hobbes's Leviathan* / ed. by P. Springborg. Cambridge, 2007. P. 199–216.
27. *The Cambridge Companion to Locke* / ed. by V. Chappell. Cambridge, 1994. P. 256, 257.
28. *The Cambridge Companion to Marx* / ed. by T. Carver. Cambridge, 2006. P. 276–279.
29. *The Cambridge History of Political Thought, 1450–1700* / ed. by J.H. Burns. Cambridge, 2006. P. 312.
30. *Tierney B.* Religion, Law, and the Growth of Constitutional Thought, 1150–1650. Cambridge, 1982. P. 30.
31. *Waldron J.* God, Locke, and Equality. Cambridge, 2002. P. 5.
32. *Wight M.* Four Seminal Thinkers in International Theory: Machiavelli, Grotius, Kant, and Mazzini. Oxford, 2005. P. 29–61.

REFERENCES

1. *Beil P.* Historical and critical dictionary: in 2 vols. M., 1968. Vol. 2. P. 270 (in Russ.).
2. *Hegel G.V.F.* Philosophy of Law. M., 2007. P. 326 (in Russ.).
3. History of political and legal doctrines: textbook / under the General editorship of O.V. Martyshev. M., 2016. P. 26 (in Russ.).
4. *Kant I.* Critique of pure reason // Kant I. Essays: in 6 vols. M., 1964. Vol. 3. P. 117–120 (in Russ.).
5. *Kant I.* the Metaphysics of morals in two parts // Kant I. Essays: in 6 vols. M., 1965. Vol. 4. P. 139 (in Russ.).
6. Modern Western sociology: dictionary / comp. by Yu. N. Davydov, etc. M., 1990. P. 158 (in Russ.).
7. *A Companion to Locke* / ed. by M. Stuart. Chichester, 2016. P. 413–432.
8. *Althusius J.* Politica. Indianapolis, 1995. P. XXIII.
9. *Baxter R.* A Holy Commonwealth / ed. by W. Lamont. Cambridge, 1994. P. 127, 128.

10. *Bergbohm K.* Jurisprudenz und Rechtsphilosophie. Leipzig, 1892. Bd. I. S. 209.
11. *Bodin J.* On Sovereignty: four chapters from The Six Books of a Commonwealth / ed. and transl. by J.H. Franklin. Cambridge, 2010. P. 46–88.
12. *Braun H.E.* Juan de Mariana and Early Modern Spanish Political Thought. Aldershot, 2007. P. 6–9.
13. *Coleman J.* A History of Political Thought: From Ancient Greece to Early Christianity. Oxford, 2000. P. 296–300.
14. Companion Encyclopedia of Anthropology / ed. by T. Ingold. London, 2003. P. 265–296.
15. *Figgis J.N.* Studies in Political Thought from Gerson to Grotius: 1414–1625. Kitchener, 1999. P. 28.
16. *Hamilton B.* Political Thought in Sixteenth-Century Spain. A Study of the Political Ideas of Vitoria, De Soto, Suarez, and Molina. Oxford, 1963. P. 135.
17. Hugo Grotius and International Relations / ed. by H. Bull, B. Kingsbury, A. Roberts. Oxford, 1990. P. 6–15.
18. *Lemetti J.* Historical Dictionary of Hobbes's Philosophy. Lanham, 2012. P. 229.
19. *Lloyd S.A.* Morality in the Philosophy of Thomas Hobbes. Cambridge, 2009. P. 18–20.
20. *McClelland J.S.* A History of Western Political Thought. London, 2005. P. 178.
21. Natural Law and Laws of Nature in Early Modern Europe: Jurisprudence, Theology, Moral and Natural Philosophy / ed. by L. Daston and M. Stolleis. Farnham, 2008. P. 2.
22. *Parkin J.* Science, Religion, and Politics in Restoration England: Richard Cumberland's De Legibus Naturae. Woodbridge, 1999.
23. *Schlatter R.* Richard Baxter and Puritan Politics. Rutgers, NJ, 1957. P. 23.
24. *Spellman W.M.* John Locke. NY, 1997. P. 110–113.
25. The Cambridge Companion to Aristotle / ed. by J. Barnes. Cambridge, 1995. P. 233–258.
26. The Cambridge Companion to Hobbes's Leviathan / ed. by P. Springborg. Cambridge, 2007. P. 199–216.
27. The Cambridge Companion to Locke / ed. by V. Chappell. Cambridge, 1994. P. 256, 257.
28. The Cambridge Companion to Marx / ed. by T. Carver. Cambridge, 2006. P. 276–279.
29. The Cambridge History of Political Thought, 1450–1700 / ed. by J.H. Burns. Cambridge, 2006. P. 312.
30. *Tierney B.* Religion, Law, and the Growth of Constitutional Thought, 1150–1650. Cambridge, 1982. P. 30.
31. *Waldron J.* God, Locke, and Equality. Cambridge, 2002. P. 5.
32. *Wight M.* Four Seminal Thinkers in International Theory: Machiavelli, Grotius, Kant, and Mazzini. Oxford, 2005. P. 29–61.

Сведения об авторе

ГАЛКИН Иван Викторович —

кандидат юридических наук, доцент кафедры истории государства и права Московского государственного юридического университета им. О.Е. Кутафина (МГЮА); 123995 г. Москва, Садовая-Кудринская ул., д. 9

Authors' information

GALKIN Ivan V. —

PhD in Law, associate Professor of the Department of history of state and law of Kutafin Moscow state Law University (MSLA); 9 Sadovaya-Kudrinskaya str., 123995 Moscow, Russia